

ГАЯНЭ

GAYANE

Правительство Москвы, Департамент культуры г. Москвы, Российская академия художеств,
Московский музей современного искусства, Международный Фонд Гаянэ Хачатурян

ГАЯНЭ ХАЧАТУРЯН

1942–2009

Персональная выставка картин
к семидесятилетию юбилея Гаянэ Хачатурян
«Зеркальная цветочница»
Москва 2012

Международный
фонд
Гаянэ
Хачатурян

Искусство – зов природы, донесенный до нас творцами. Чем более верен творец природе, тем убедительней его искусство. Именно, благодаря этому качеству пленяют зрителя произведения Гаянэ Хачатурян, которые приобщают нас к ее самобытному, волнующему поэтичному миру.

Мартирос Сарьян

Зеркальная цветочница, 1992 год, 115х60, х./м.

МАГИЧЕСКИЙ ТЕАТР ГАЯНЭ ХАЧАТУРЯН

Искусство Гаянэ Хачатурян отмечено особым знаком, где уникальность творчества абсолютно совпадает с образом личности. Художница находится в ряду пионеров нового художественного сознания, собирая в свой фокус всю феноменальность европейского художественного «зрения», его радикальную чувственность и естественную свободу пластического жеста.

Композиции художницы предстают перед нами драгоценными объектами из средневековой волшебной лавки, естественно вошедшими в нашу цивилизацию и культуру. Материя, к которой прикасается рука Гаянэ, рождает чудо преображения, одухотворяя ее вещественность и готовность к новому рождению. Она открывается своей тканью – предельно простой и изначальной, как матрица жизни.

Каждая работа Гаянэ обладает свойством иероглифа, абсолютной визуальностью и внутренним кодом мифопоэтической жизни, где прячутся «капричос» Гойи и «голубые танцовщицы» Дега. Ее формы обнаруживают вечные образы, неотделимые от человека, – его путь, дорогу, стягивающую в своем феномене человеческую судьбу. В них присутствуют вечные странники, «странствующие комедианты», как говорил П. Пикассо, клоуны и клоунессы, жонглеры и жонглерессы, бродячие актеры, живущие в мире цветов и плодов и подверженные действию сверхличных сил и энергии. Они принимают мир таким, каким он им дан, они непосредственны, как дети, включенные в великий опыт христианской истории. Их божественная телесность естественно погружается в животворность игры и радуется дарам.

Искусство Гаянэ открывается необозримым ландшафтом – там теряются города, предметы, животные, растения и звезды, ускользая в складках мистерий и волшебных сказок. Оно существует и держит равновесие в состояниях великого бодрствования, где, по выражению Франца Кафки, «кто-то же должен не спать».

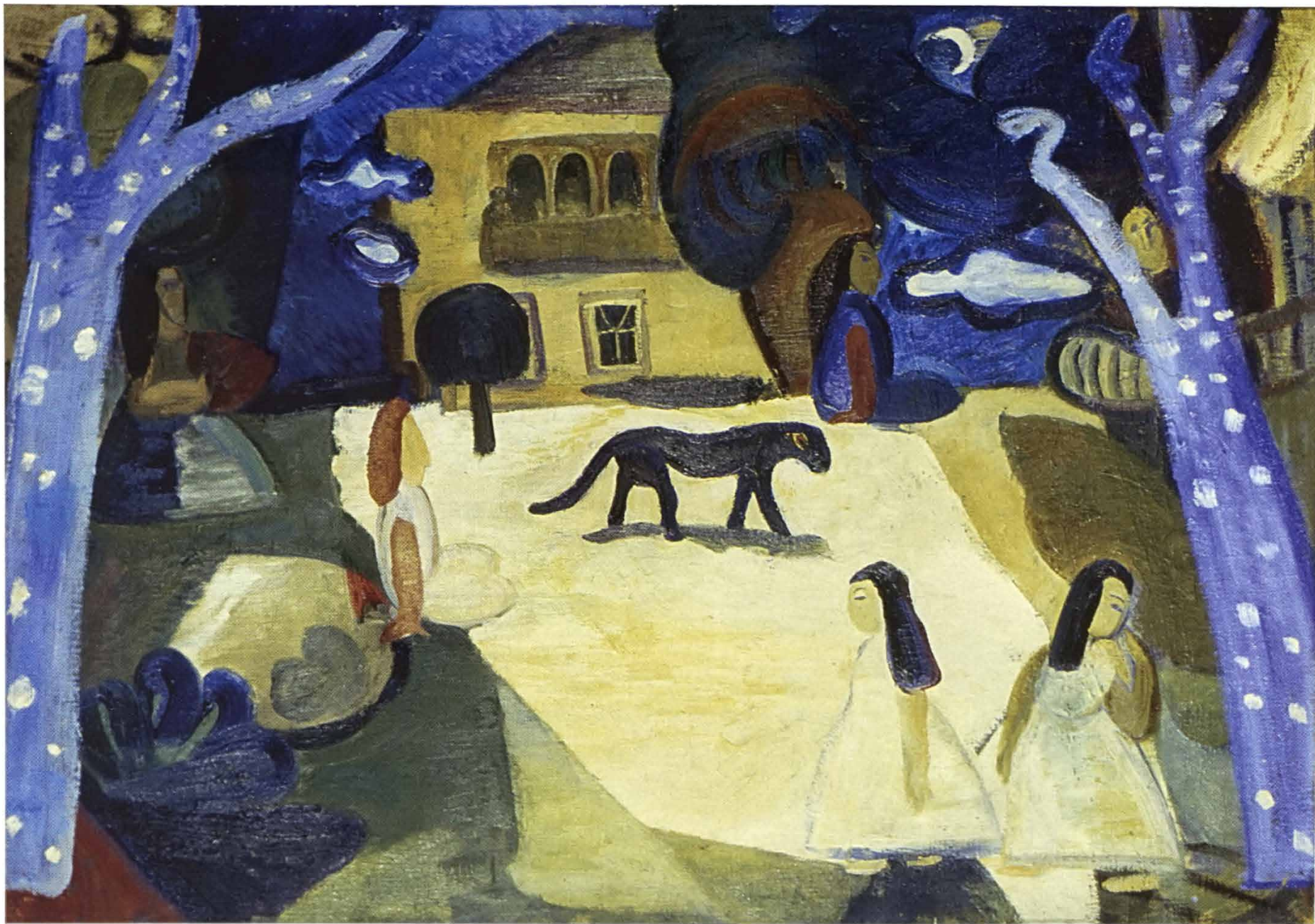
Виталий Пацюков

Луна-камень. 1967год, 53х72, х./м.

Атмосфера и мир полотен Гаянэ, их степень трагедии и комедии подстать театру. Смотришь на произведения Гаянэ и чувствуешь огромный театральный мир. Каждая картина Гаянэ завораживающее ощущение театра, постановки, сцены. Я как театральный художник, могу смело сказать – работами Гаянэ с легкостью можно оформить балет, оперу, оперетту, театральную постановку. Гаянэ в своих работах очень органично выражает сущность искусства, широту и диапазон оформления театральных постановок. Язык картин делает ее одной из ярких личностей нашего времени.

Борис Мессерер
Народный художник России,
президент ассоциации художников театра,
кино и телевидения Москвы

Черный барс, 1967 год, 68х95, х./м.

Жеманность, кокетство, естественная театральность и театрализация «кавказского Парижа», его неувядающая красота и неповторимый аромат, несомненно, оказали влияние на уникальное воображение Гаянэ, феноменальность которой бесспорна.

Ее фигуративный и одновременно ирреальный мир, переполненный странными существами, размещенными в не менее странной атмосфере, не назовешь ни метафизическим, ни сюрреалистическим. Скорее всего, это необычайно поэтичный, безудержно фантастический реализм, активно ворвавшийся в красочные полотна и настолько художественно оправданный, что правомочность его длительного шествия не вызывает сомнения.

Генрих Игитян

Белый-двор 1969 год ,77х73, х./м.

В Гаянэ жила ее собственная страна. Это так, и такое бывает. Настойчивость, с которой она информировала человечество о своей стране, – с такой страстью можно стучаться к человечеству, не ведающему о том, что страна Шамбала (или Атлантида) не за тридевять земель, а вот она, рядом – страна Агулис, только спрятана в живописце – такая настойчивость, конечно, присуща племени художников «ИНСИТЫ» – художников наивных или, которых еще называют примитивистами, что неверно и плохо. Я называю их ЛЮДЬМИ ТРЕТЬЕГО МИРА, и она к ним примыкает по группе крови (даже если меня проклянут гематологи – утверждаю – это пятая группа). Но вот что уникально, но вот что единственно в ней – как она сохранила дремучую первобытность при уроках Высокой Живописи, полученных ею в ранней юности из мудрых рук Мастера – Пиросмани, Шагал, Борхес, Фрила Кало.

Ирина Уварова.

Натюрморт. 1970 год, 75x106, х./м.

Гаянэ Хачатурян принадлежит к поколению художников, исповедовавших свободу творчества и предопределивших в 1960-е годы новый подъем армянского искусства. Внутренняя свобода побуждала Гаянэ следовать голосу души и создавать свои, подобные видениям, образы.

Тифлис, где родилась художница, с его похожими на театральные подмостки дворами, и увлекательные рассказы матери о красоте Агулиса (города, находившегося в Нахичеванской области), – все это стало почвой, питавшей воображение Гаянэ; особое место занимала в этих рассказах-воспоминаниях бабушка Гаянэ, добросердечие которой почитал весь Гохтан...

Истинный дар чувствуется уже в красочных натюрмортах художницы, написанных ею тринадцатичетырнадцать лет от роду. Натуральные формы этих работ с годами преобразились и стали – под стать ее характеру – сдержанными, окутанными тайной. Вплетаясь в трепетные широкие цветовые объемы, они превращали полотно в сценическое, даже сказочное пространство, манящее пространство фрески. Атмосфера, создаваемая искусством художницы, поэтически не названа – она напоминает таинственный мир детства, и здесь – основа эстетики Гаянэ, яркой ее своеобычности.

Благодаря этой эстетике, временами радостной, праздничной, а временами грустной, задумчивой, настроение, которым дышат полотна Гаянэ, невольно передается зрителю, завладевает им. Все свои картины Гаянэ подписывала по-армянски, а их названия писала на обороте по-русски. После смерти матери художница жила одна. Многочисленные работы, порожденные ее мечтательностью и фантазией, быстро раскупались, экспонировались на выставках и способствовали росту ее известности. (Как-то Гаянэ призналась мне, что на небольшие деньги, получаемые ею за картины, она всегда помогала бедным семьям.)

На выставке, организованной Национальной галереей Армении, в отдельном зале собраны работы художницы, недавно участвовавшие в венецианском бьеннале. Среди пятидесяти лучших ее картин выделяется «Реквием» – он воспринимается ныне как волнующий символ безвременного ухода из жизни самой Гаянэ...

Шаэн Хачатрян

Красноволосые сололакские женщины, 1970 год, 90х80. х./м.

«А теперь откройте дверь, и сидите здесь, а я пойду в другую комнату», – и Гаянэ вышла, а я осталась на кухне в некотором недоумении. Сначала я услышала не то покашливание, не то всхлипывание. А потом раздался звук, не похожий ни на что на свете: голос ангела и его трубы, мужчины и женщины, немного зверя и немного птицы.

Это была старинная песня зоков, полурастворившейся армянской ветви, с архаическим языком и своей собственной историей... Бабушка Гаянэ происходила из зокского рода, и от нее Гаянэ научилась этой песне. Мне была оказана честь, и мой московский дом, безалаберный, хаотический и уютный, чувствовал то же, что и я: смущение, благодарность и гордость. Мы были удостоены посещения древней и могучей силы, о которой давно забыли в больших городах, в суматошной пустоте торопливого времени...

Что же касается самой Гаянэ, она у этой древней силы состоит в жрицах. Прикажет эта высшая сила петь – поет, прикажет рисовать – рисует, прикажет на костер... Нет, нет, это было бы уж слишком... Пожалуйста, не надо... Но по сути дела, душевная организация та самая: Сивиллы, Жанны д'Арк, маленькой Терезы.

Рисование Гаянэ – род служения. Смысл этого служения – передача знания. Свое художественное сообщение она транслирует оттуда, где мы не бывали, сюда, где мы есть. Это сообщение не поддается полной расшифровке, но тем не менее мы останавливаемся перед ее картинами с глубоким волнением, потому что узнаем в них сны своего детства, и возникает странное ощущение пробуждения: как будто наша здешняя жизнь сон, а картины Гаянэ намекают на то, что, проснувшись от здешнего, мы можем оказаться в мире ином, не подвластном ни здешней оптике, ни здешней географии...

Кстати, несколько слов о географии. Когда-то мы жили в одной стране. С тех пор, как дружба народов рухнула и прекрасную ложь интернационализма заменила чистая и омерзительная правда всяческого национализма, мы можем наконец любить друг друга без всякого принуждения, следуя исключительно голосу чувства – симпатии, взаимного интереса, природной тяги – и той разности потенциалов, которая всегда возникает от соприкосновения Востока и Запада, холода и тепла, созерцательности и деятельности. Именно теперь и выясняется, где в наших отношениях была натуга и ложь, а где – искренняя сердечная склонность и понимание.

Дорогая Гаянэ, мы все еще продолжаем говорить на одном языке. Мы всегда будем говорить на одном языке. Десятилетние армяне уже не знают русского, их грузинские сверстники приезжают в Москву с иностранной визой в паспорте родителей, географическая карта империи впала в коллапс. А Гаянэ рисует мифологический мир, цветут ее деревья, вымышленные или подсмотренные, ее Апокалипсис возвышен и грозен, как разбуженный после обеда дедушка. В гости к ее картинам приходит, то икона, то господин таможенник Руссо, Матисс беседует с Сарьяном, Шагал завтракает с Малевичем, и безумный Казимир, кажется, сожалеет, что бедному Марку Захаровичу пришлось-таки из-за его, Казимировых, интриг убраться из милого Витебска в чужой Париж... Тени забытых предков и незабытых друзей, учителей и младенцев, ученых медведей и говорящих рыб. И я там был, мед-пиво пил...

А потом, спустя десятилетие, раздается щелчок, и после длинного тире выскакивает вторая цифра. Вторая и последняя – год смерти 2009. А между двумя цифрами – отпечаток вечности. Мимолетность, живое движение, перелив оттенка и жеста уловлены острием грифеля, пера, кончиком кисти. Вся Гаянэ – здесь. Потому что в жизни ее не было ничего, что не воплотилось бы столь причудливым и ненадежным способом, что не отразилось бы на холсте и на бумаге. Мало кому удастся с такой полнотой реализоваться. Все осталось здесь. Впрочем, мы не знаем, с чем она вошла в тот мир, который она предчувствовала, знала лучше, чем все известные мне люди, делилась этим знанием с другими, не одаренными столь проницательным зрением. Человек с трудным характером, неожиданными реакциями, острыми симпатиями и антипатиями, очень нежная и очень резкая, она была существом ангелической природы. Ангелы, как говорят разбирающиеся в этом вопросе знатоки, не лучше людей, они просто другие, и отличаются от людей больше, чем мышь от слона или кошка от кролика. И все, кто был с Гаянэ знаком, об этом подозревали.

Я не знаю, где окажутся наши души после смерти. Но Гаянэ ушла к своим. Тяжела болезнь, тяжело расставание с нашим корявым мучительным миром, но мне почему-то кажется, что праздник, который будет устроен в честь ее возвращения, будет музыкален, ярок, весел, и все аспиды и младенцы, львы и агнцы будут там в одном хороводе. Хотелось бы глянуть хоть в щелку, хоть одним глазком!

Глядите – все здесь, на ее картинах.

Людмила Улицкая

Шарманщица и летящая ночь, 1970 год, 68х95, х./м.

Я считаю Гаянэ достоянием мировой культуры. Гаянэ – Гений! Это неоспоримый факт. Один из выдающихся кинорежиссеров XX века Сергей Параджанов, организовавший Первую персональную выставку Гаянэ Хачатурян, нашел возможно и самые точные слова для определения ее творчества : «Гаянэ – шаманка, создающая удивительный мир своего колдовства». И действительно, первое впечатление у людей, открывающих для себя ее творчество, выражается в возгласе: «Это ворожба! Это магия!». Я верю, что вам удастся совершить увлекательное путешествие в загадочную страну Гаянэ, в мир ее красок и образов. Вслушайтесь в названия ее картин: «Городская прялка», «Шествие с белым ветром и синей луной», «Серебристые лютнистки к взлетающему утру», «Актер, бабочка и шепот» и вам будет ясно, что сравнение это не случайно – вас ждет чудесное путешествие в мир, созданный ее удивительно богатым воображением.

Творчеству Гаянэ давали самые высокие оценки знаменитые художники, режиссеры, композиторы нашей современности: Марк Шагал, Тонино Гуэрра, Андрей Тарковский, Мартирос Сарьян, Гия Канчели и многие, многие другие подлинные ценители высокого искусства. Утверждение, что художник – профессия сугубо мужская сегодня уже не актуально. Гаянэ Хачатурян, Фрида Калло, Наталья Гончарова и другие замечательные художницы расширили наши представления о возможностях изобразительного искусства, явив свое уникальное видение мира. Общение с Гением – это большая ответственность.

Гаянэ в моем понимании неземной человек, совершенно фантастический, Святая. Я понял, что ее искусство не было нужно в советской стране, как и искусство А. Тарковского, С. Параджанова, И. Кабакова, Э. Неизвестного, Э. Булатова, как некое инородное тело. Гаянэ была нужна не нам – другим, как Т. Гуэрра и Ф. Феллини, П. Пазолини. Потому она закрылась, ушла в свой «монашеский» мир. Это счастье, что внешний мир не смог ее изменить. Она не изменила своему миру – магическому реализму. Это счастье, что у нас у всех есть такой мастер. Не думаю, что она конкретно армянский или грузинский художник. Она – художник Мира. Она обогнала время, потому само время докажет, что она художник мирового масштаба и уровня. Если уже не доказало. Поскольку я считаю творчество Гаянэ достоянием мировой культуры, то ограждать свою коллекцию от людей, замыкаться, как скупой рыцарь, и в одиночестве любоваться ее картинами я не буду.

Смотрите – все здесь – на ее картинах!
Президент Международного Фонда Гаянэ Хачатурян
Валерий Ханукаев

Красноволосые жонглерессы и танцующая кукла, 1976 год, 54x73, х./м.

... Гаянэ была художником-маргиналом.

В последней трети XX столетия это понятие в искусствоведческом словаре приобрело значение термина, лишенного негативных коннотаций: так стали называть художников, чье творчество обладало магнетизмом, было очевидно значительным, но не вписывалось ни в какие групповые, стилевые, «направленческие» характеристики. Они были сами по себе – стиль, манера, и больше – мир. Особый «мир», который становился местом и источником притяжения для каждого, кому удавалось ощутить его живые токи.

... Гаянэ была маргиналом и по жизни. И тоже нет нужды вкладывать в это понятие смысл, близкий к «лузерству». Да, она не соответствовала истеблишменту, ни художественному, ни общественному. Но в Тбилиси ее не очень просторная комнатка на Бакинской, окна и двери которой выходили на общий балкон, а затем квартирка в районе Исани сделалась одним из художественных центров, местной достопримечательностью. Не удивительно ли? Теплый город-то переполнен собственной мифологией и бесчисленным множеством памятников и памятных мест.

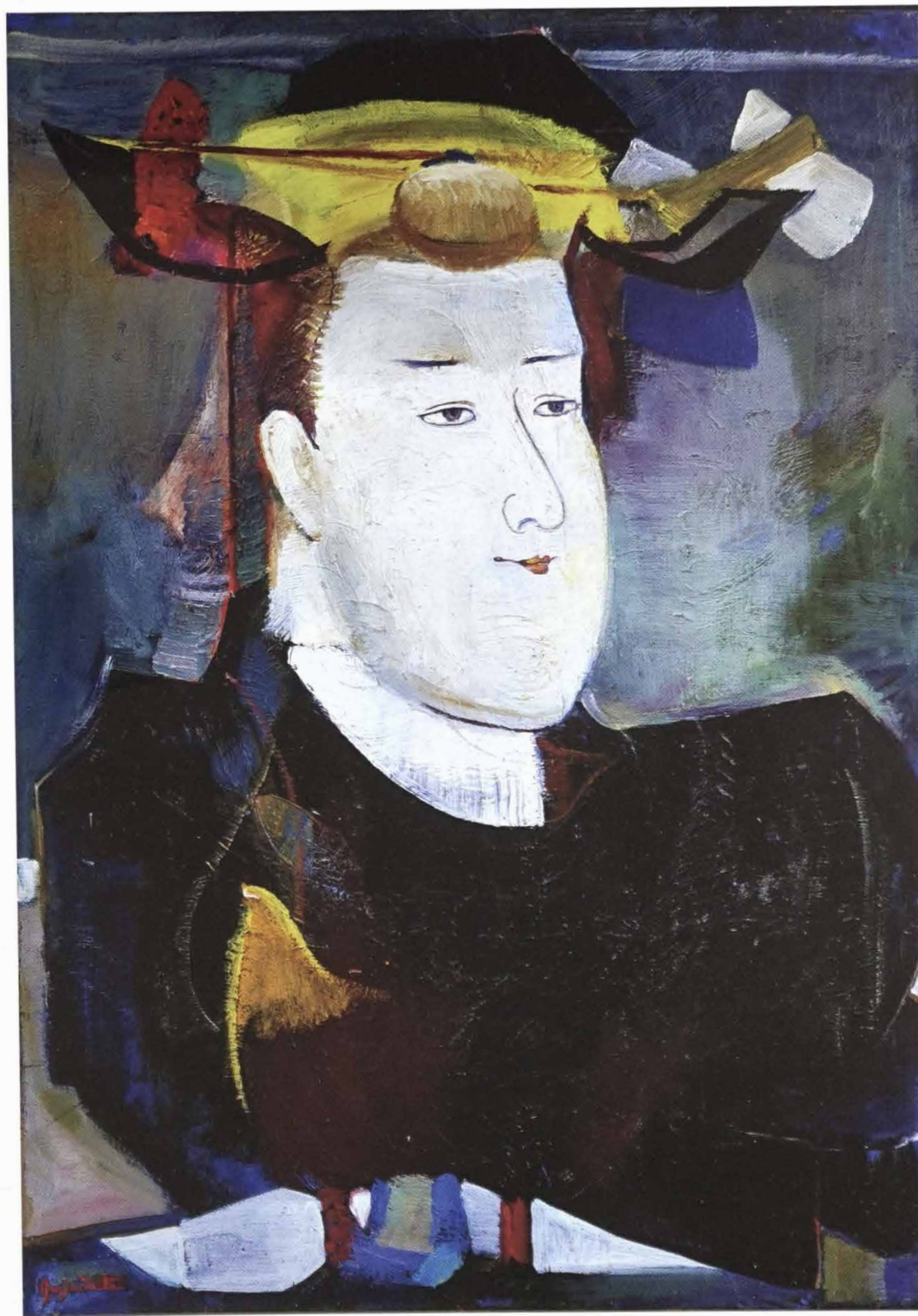
... К Гаянэ ходили смотреть на картины и на саму Гаянэ. Слово «картины» здесь во множественном числе лишь потому, что речь идет о процессе во времени: гости шли постоянно. Как при ее душевной застенчивости ей удавалось быть со всеми сосредоточенно приветливой? В самом же «доме», в самой «мастерской», картин почти не было. Обычно все, что Гаянэ писала и рисовала, уходило, уносилось, разлеталось по разным собраниям, по разным странам. Да с такой скоростью, что как правило на холстах еще не успевала высохнуть краска, и счастливый обладатель «гаянэ» мог быть отмечен красочным пятном на коже или одежде. Но раз в год, в день рождения ее матери, они «собирались»: Гаянэ для самых близких устраивала, как сейчас бы сказали, «слайд-шоу», возвращая на стену своих детей – свои картины. И каждый раз традиционный искусствоведческий разбор ее иррациональных композиций оказывался не состоятельным по причине скудости аналитического и терминологического инструментария ...

Слайды со временем теряли цветостойкость, цветоносность, и мир Гаянэ предстал перед гостям поистине страной теней. Стены, на которые «транслировались» диапозитивы превращалась в Эливсинские поля. Потому что при подчас напряженной драматургии холстов, конечно же, мир Гаянэ – «обитель блаженных».

... За всю жизнь она не изменила этому своему миру. Как не изменила тому, только ею ощущаемому эфемерному Тифлису, который в алхимических переплетениях красок, зримо и слышимо «Муштаит. Шорох Куры» – проявлялся на ее холстах. Здесь неведомые драмы, насыщенные множеством интимных подробностей, переплетались с лирическими струями, а недоговоренность рождалась с красноречием. Метафористика, лаконично выраженная в названиях, звучащих как кванты чистой поэзии, кажется многократно усиленной в пластических структурах ее живописи.

Впрочем, были ли там метафоры, иносказания? Да, в ее «городе» нет «обывателей», которые составили бы экзотическую привлекательность на полотнах любых других художников, писавших удивительную средую-атмосферу этого места, рожденную смешением ментальных и этнических, временных и географических потоков. Да, ее персонажи – участники некой театральной феерии. Но – которую она постоянно зрела как реальность. Да, ее герои не от мира сего. Но они реальны в ее мире, как и предметы, звери, наделенные душой в равной степени.

Нина Геташвили

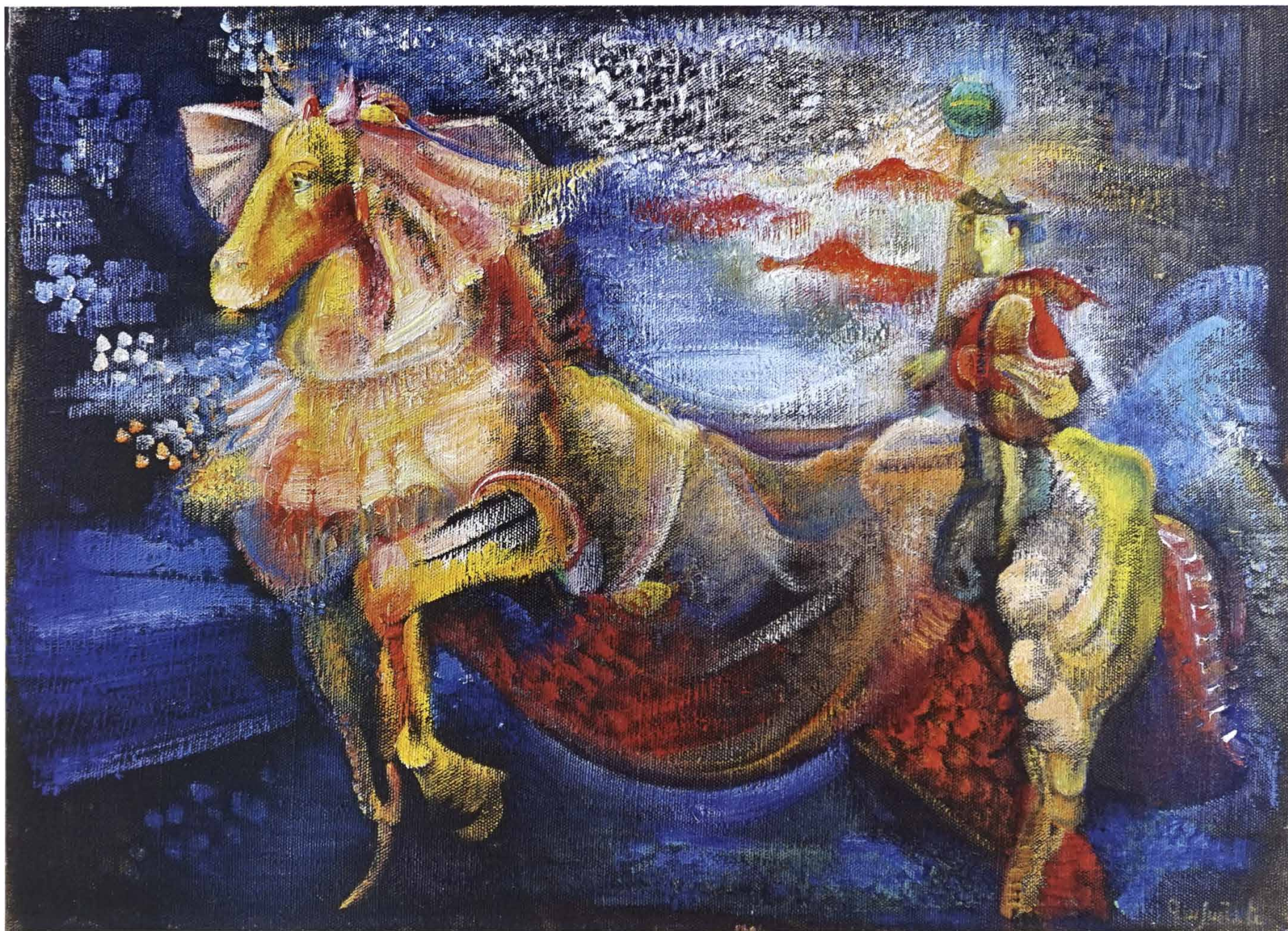
*С посвящением Великому из Великих
Китогава Утамаро, 1976 год, 72х52, дер.м.*

Картины Гаянэ можно рассматривать по частям и часами, можно сразу и быстро, кто как может, но отделаться от них, забыть невозможно. Ее сны и ее видения становятся вашими, если только вы не чурбан, замшелый в рутине будней. Она заставит вас вспомнить, что мир прекрасен и что надо дорожить каждым часом и секундой. Восхищаешься и думаешь, что это ни на что не похоже, но веришь и тянешься, потому что безумно красиво и завораживает. Никаких заезженных приемов, полное пренебрежение ко всем нормам и правилам академической живописи. Свои колориты, своя перспектива, свои импульсы. Гаянэ щедра, но только к тем, кто тянется к щедротам ее души и сердца.

В ней нет пижонского светского обаяния, но есть привкус и отзвук иных миров, обычным смертным недоступный. Ее внутренняя свобода бесконечна, как и ее воображение. Она – сама тайна, окрашенная в радугу. Время, остановленное Гаянэ, не текуче, оно импульсивно, неуловимо.

Описать ее картины, ее мир, ее Миры, ее тайну – труд бесполезный. Надо только смотреть и получать неземное удовольствие. Что тоже трудно – ее картины, кусочки ее Космоса разлетаются по миру, не успев обсохнуть.

Карэн Микаэлян

Армен и его лошадь, 1978 год, 55х75, х./м.

Воспоминания...

«Меня познакомил с Гаянэ Сережа Параджанов. Это были гастроли Таганки в Тбилиси Сережа любил «дарить» своих друзей и познакомил меня с большим количеством интересных людей. Были богатые квартиры с уникальными коллекциями, были богатые столы с грузинскими длинными тостами. Но у меня это не то что стерлось, а осталось не конкретно, но очень ясно. Так же ясно, как картины Гаянэ. Я помню встречу с ней. Это была не студия, это была коммунальная квартира. Грязный коридор, ужасная лестница. Все темно, серо, и она такая странная, полумонашенка, полуюродивая. Она сливалась со всем в этой каморке. В этом сером мире — вдруг возникли протуберанцы какого-то сияния. Огромные картины с другим миром, с другими красками, совершенно ирреальные, и даже вообще с другой планеты. И тогда я поняла, что она вся в этом мире, реальный мир для нее не существует. Ей здесь неинтересно...» .

Алла Демидова.

Багровая акация, 1979 год, 33 x 82, х.м.

Я родилась в доме, где пребывал дух колеблющейся прядки жизни и смерти, впервые уснула в сорок втором году в ночь на 9 мая в круглой комнате с луной в руках. В окне плавало красное солнце... Меня везли к дому, где жили львы, через мост из стеклянных веток вишни, а от дома слышалось пение жонглерессы, голос переходил в звук скрипки.

Тарелка-жемчуг. Шляпа красная на ветке. Взлететь на ветку красной шляпы. Диалоги с деревом вишни о парадоксальности и гротексности жизни. Ручьями слезы проливаю в тоске о ушедшей мысли, и мысль, пришедшая утром, ушла в пустырь сердца.

Гаянэ

Тарелка, 1980 год, диаметр 36 см, дерхмасло.

Общаясь друг с другом, образы замещают реальность. Есть этапы, но не периоды. В форму вливать свой добавочный смысл. Разрешение самому себе концентрировать свое. Когда смотришь на картину, картина должна двигаться.

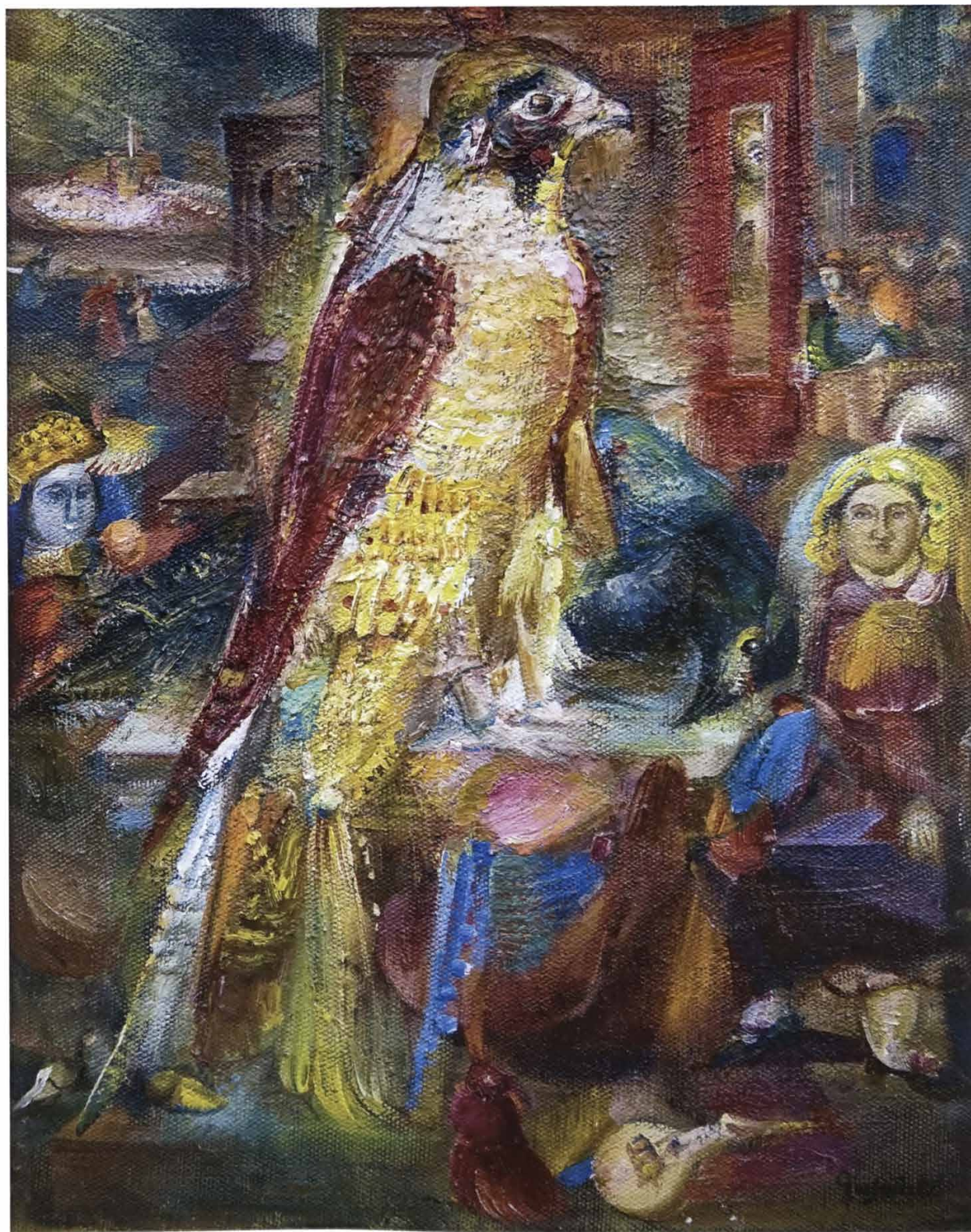
Гаянэ

Вино-вуаль, 1981 год, 56х38, х./м.

Танцующая мысль. Искривленное пространство. Поиск самого себя. Импровизаторские паузы. Умение войти в свое пространство, чтоб услышать свою мысль. И «Плачущим» зеркалам, приглашение на представление тайн, я зеркалам стала задавать вопросы.

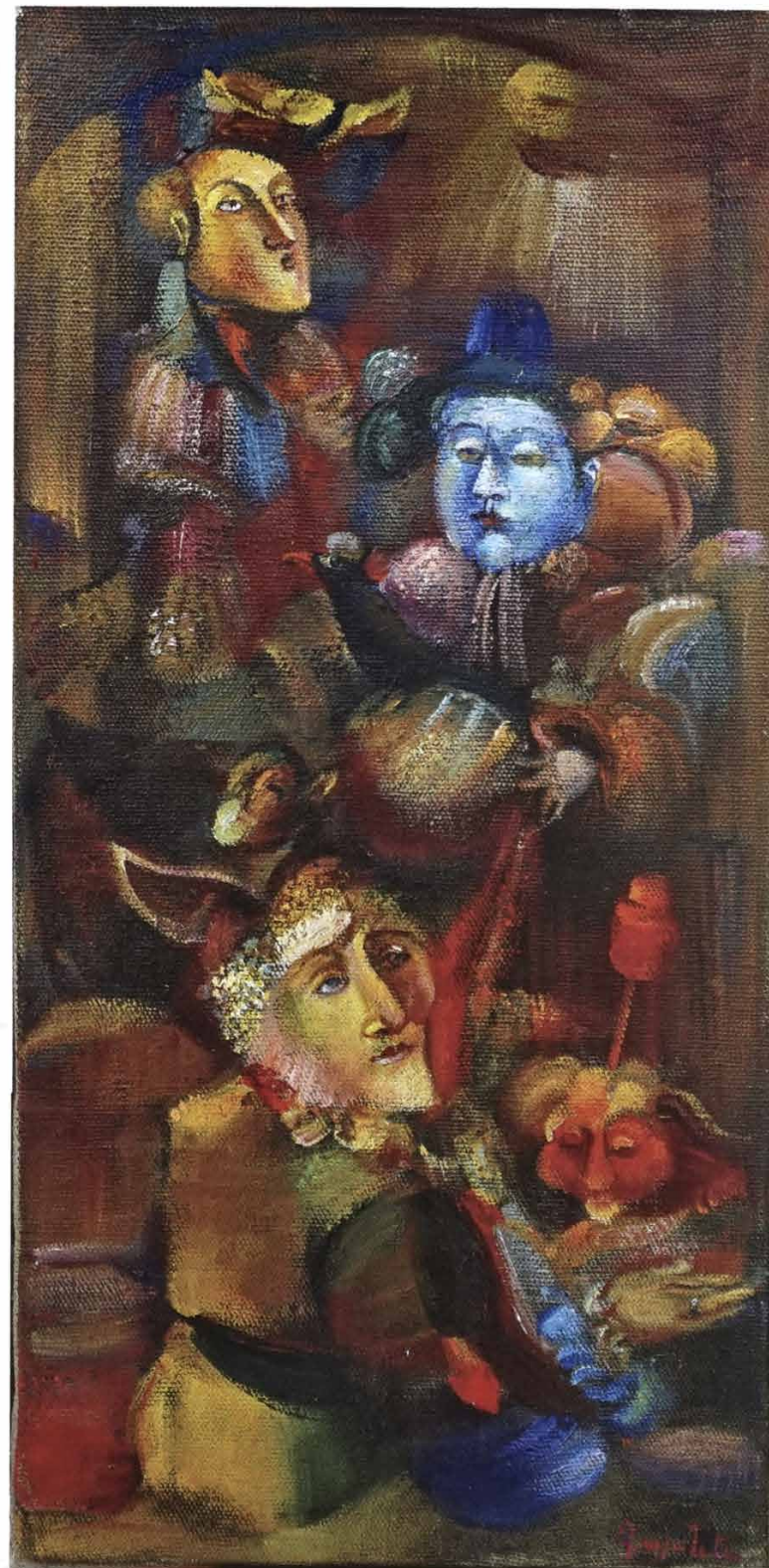
Гаянэ

*Красное зеркало и птицы,
1985 год, 50х40, х./м.*

Наряжаю вас всех в пышные красного цвета парики, следя за процессом преобразования, магический наряд превращения.

Гаянэ

Актеры-комедионеры, 1986 год, 60х30, х./м.

...События, поразившие меня в глубоком детстве, как сегодня мистерия, распластанная по всему городу. Процессия направлялась в городской сад Муштаид. Крылатые туфельки, красные кони...

Гаянэ

Утро белой сирени, 1988 год, 32х19, дер.х масло.

Духовное излучение вглубь и ввысь рождает божественный свет, в котором проглядываются предметы, как бы сразу обретая свои собственные наряды утра, сумерек и ночи, и эта процессия уплывает в зеркальную даль. В сумерках, как бы в тумане, замирает городской стих несущейся колесницы.

Гаянэ

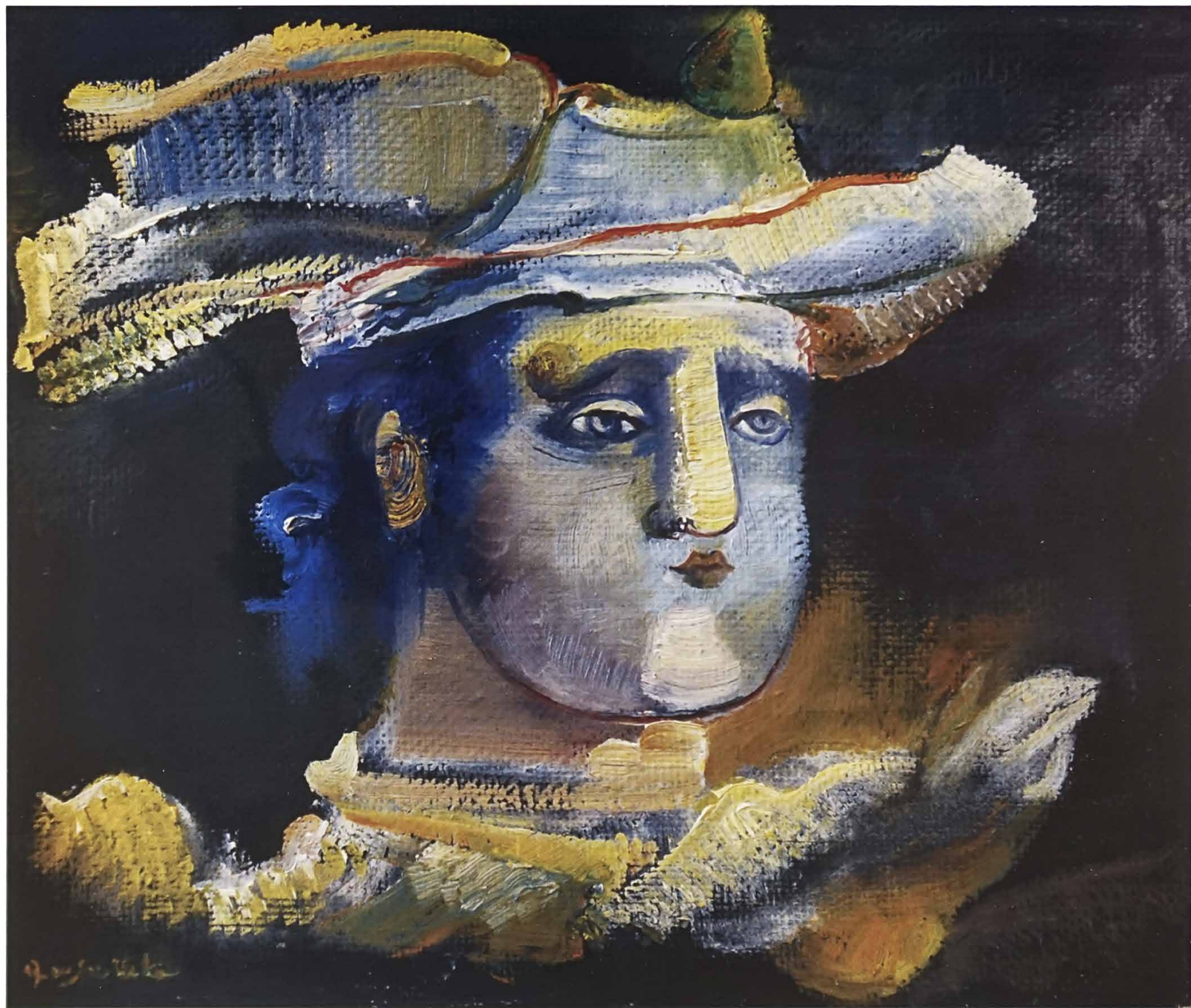
Серебристые лютнистки к взлетающему утру, 1990 год, 40 х 86, х.м.

Посвящается Ирине Ханукаевой

Шуршание тишины. Световое дуновение из палитры. Мазки как бы клавишные переливы. Проповедовать свою идею, уходя из одного мира в другой. Никогда не покидает ощущение пустого пространства. Когда Боги дарят озарение. Когда тревоги зовут своих Богов.

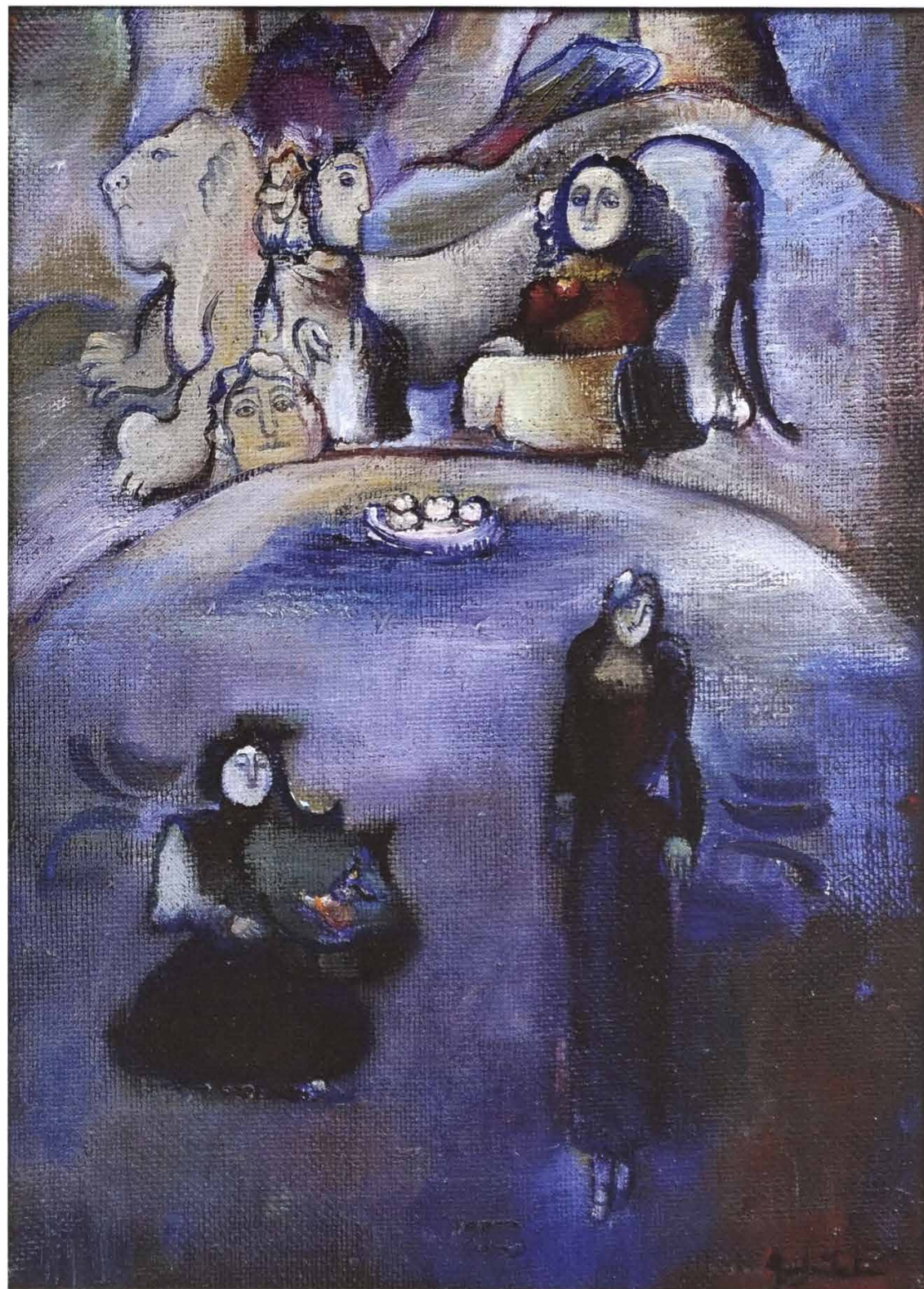
Гаянэ

Актер, бабочка и шепот, 1993 год, 20х26, х./м.

Слезы во мгле потекли в пруд. Я выбрала для себя другой иной мир – мир странствующей карлицы, и, когда я посмотрела в даль, уловила некую удлинённую заповедь своего сердца, уводящую в «Лавку – шкатулку орхидеевой живописи».

Гаянэ

Сон ветра, 1993 год, 37х26, х./м.

Город усыпан множеством несущихся в вихре золотых колесниц Ночи к Утру. Лечу над городом в карусельном танце городских витрин. Винная мгла окутала туфельку.

Гаянэ

Летящая ночь, 1993 год, диаметр 30 см, виниловая пластинка маслом

В белой комнате спала ночь, ей снились черное озеро и призрачная тарелка с пушистыми рыбками.
Лечу над городом со шкатулкой облаков.

Гаянэ

Танцовщица в белый ветер, 1994 год, 60x55, х./м.

«Красная скрипка альт». «Танец белого городского ангела». «Дух арий», «Огонь арий», «Королева клавесинов», «Дуэт-паутина».

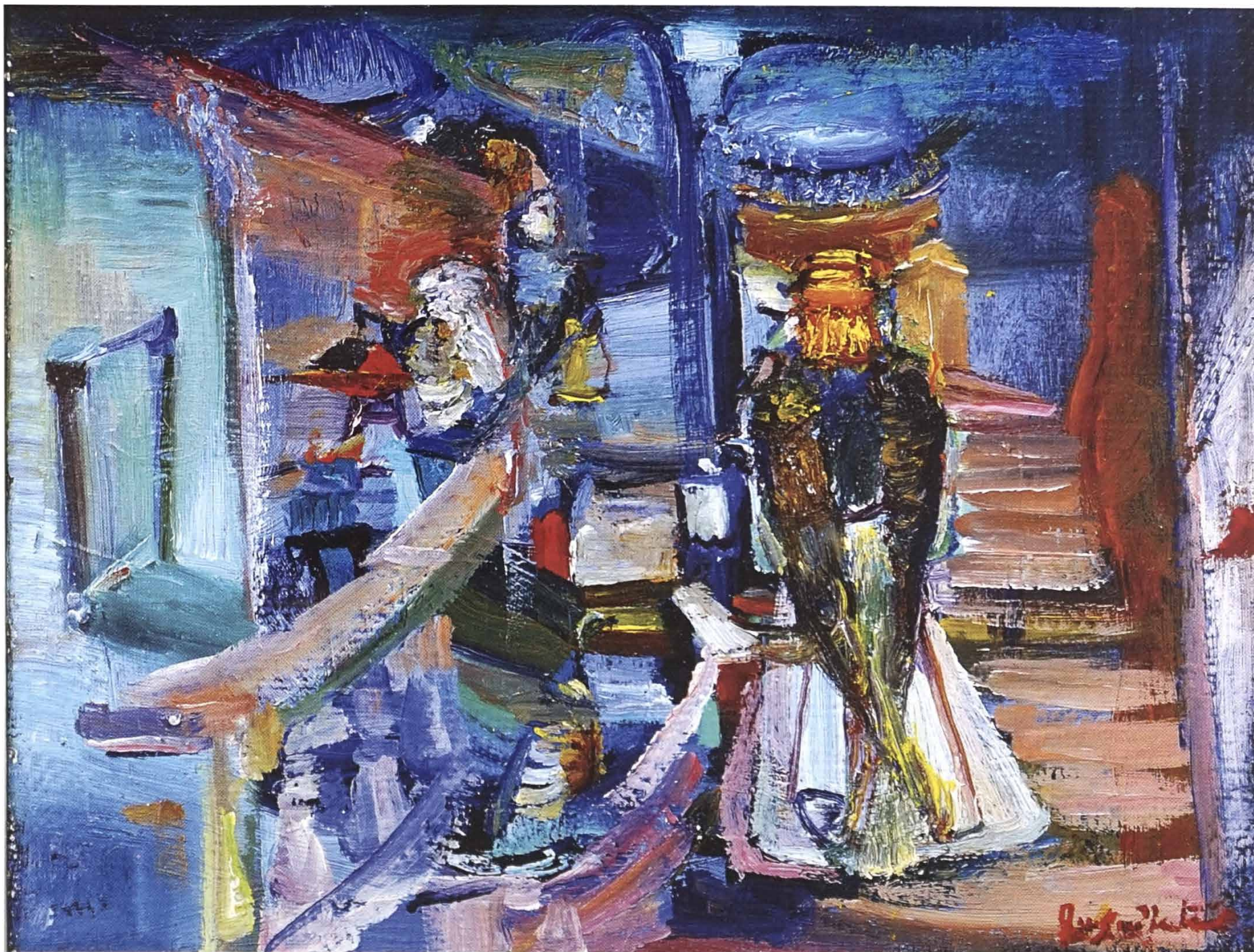
Гаянэ

Красная скрипка альт,
2000 год, 50x40, х./м.

Смотрю через призму стекла моей мастерской с тончайшим вихрем золотого облака на формы предметов, на хаотичное движение гор, обрамляющих город, на вас всех, наряжая вас в собственные наряды. Унося вас всех в хрустальную даль, в зеркала. Ловлю внутреннее происшествие. Дальние дворы с узорчатым дном, внутри двора вогнутая тень локонового балкона.

Гаянэ

Аллегория судьбы, 2001 год, 21х27, х./м.

Я родилась в доме, где пребывал дух колеблющейся прялки жизни и смерти. Сжимала крылья птица. Ночная мгла тушила синеву. Спящий ангел на грушевом дереве. Анализ принимал характер исповеди. Принцип осознания причастности вещей. Образ вещей, предметов.

Гаянэ

Королева Зепет, 2001 год, 136x99, х./м.

Утро приносит с собой прялку шествующих горожан. Ювелирно обожествляя своим светом каждую форму: дворов дальних с узорчатым дном, жемчужный ряд балконов-клавесинов, лавок фетровых шляп и матовых пудр. Гул мостов.

Погружаюсь, палитра уносит меня от мирской акустики. Магия света в ее зеркальном преломлении, в ее отражении. Прялка огненной карусели.

Гаянэ

Городская прялка, 2004 год, 50x70, х./м.

Биография.

Гаянэ Левоновна Хачатурян родилась 9 мая 1942 года в Тбилиси, Грузия.

«Я родилась в доме, где пребывал дух колеблющейся прядки жизни и смерти, впервые уснула в сорок втором году в ночь на 9 мая в круглой комнате с луной в руках. В окне плавало красное солнце... Меня везли к дому, где жили львы, через мост из стеклянных веток вишни, от дома слышалось пение жонглерессы, голос переходил в звук скрипки»

Ее отец, Левон Хачатуров – Хачатурян и мать, Асмик Калантарова приехали в Тбилиси 1921 году из Еревана вместе с маленьким сыном Акопом – старшим братом Гаянэ. Отец, Левон Хачатурян, был из семьи ремесленника, кузнечных дел мастером, изготавливал ажурные решетки, карнизы, навесы.

Мать, Асмик Калантарова, родилась в городе Агулис, происходила из древнего аристократического рода, увлекалась классической музыкой, любила оперу, тонко чувствовала живопись и всячески поощряла занятия дочери в художественной школе. «В детстве мама водила меня в Муштаид радоваться земным великолепиям, смеющимся и плачущим зеркалам. Приглашенная на представление тайн, я стала задавать зеркалам вопросы. Мама оставляла меня одну в саду, тайно наблюдая за мной издали...»

Дедушка, по материнской линии – Акоп Калантаров, был родом из Персии, из богатой армянской семьи, которая владела мануфактурами. Он был меценатом, занимался благотворительностью.

Брат Акоп был намного старше Гаянэ. С началом Великой отечественной войны был призван в армию, был летчиком. Вернулся с фронта в 1945 году. В дальнейшем переехал в Москву.

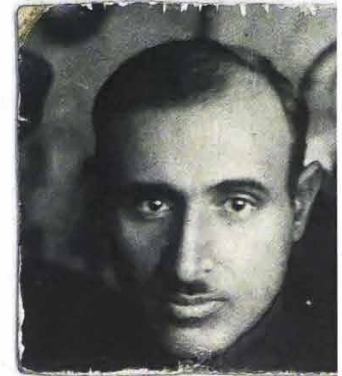
1949 году Гаянэ поступила учиться в 14-ю женскую семилетнюю школу, которую закончила 1955 году. После окончания школы продолжила учебу в 101 средней школе и параллельно поступила в художественную школу при Художественном училище им. Якова Николадзе в класс педагога Гугули Курдиани. «Основам живописной грамоты меня обучила прекрасный педагог Гугули Курдиани. Я занималась у неё четыре года (с 12 до 16 лет) в детской художественной школе. Гугули Курдиани, выпускница Московской Художественной школы зодчества и ваяния, сумела вытянуть из меня все заложенное природой».

1959-1960 училась в Республиканской заочной средней школе рабочей молодежи, после окончания которой, стала серьезно заниматься творческой работой.

В 1962 году познакомилась с художником Александром Бажбеук-Меликяном, который первым открыл в ней яркую художественную личность, во многом помог ее становлению и первым шагам в живописи. «Учиться в академии мне, как и своей дочери Зулейке, отсоветовал Александр Бажбеук-Меликов. Он не признавал никаких рамок, считая их посягательством на творческую свободу художника». В те времена в художественных академиях придерживались консервативных и идеологических методов обучения, в духе канонов соцреализма. Такие канонизированные принципы были общими для всех студентов. Для Гаянэ требовался индивидуальный подход. «Моими университетами стали библиотеки» – признавалась Гаянэ.

Она самостоятельно изучала армянскую средневековую миниатюру, грузинские фрески, каноны классической европейской живописи, увлекалась литературой, философией, писала поэтические новеллы, эссе, прекрасно пела.

Огромное влияние на нее оказала художник и педагог Елена Дмитриевна Ахвледiani. В течение нескольких лет, Гаянэ периодически показывала свои работы и получала консультации у нее.

«Я обычно приносила к ней свои работы. Сам факт, что она посмотрит их, служил большим стимулом для меня. У нее в 1967 году дома я познакомилась с Сергеем Иосифовичем Параджановым. Увидев мою картину, Параджанов со свойственной ему экспрессией сказал: «Скорей, мы едем к тебе. Хочу посмотреть остальные твои картины. С тех пор он часто приводил ко мне своих друзей – известных деятелей культуры того времени».

Встреча с Сергеем Параджановым имела огромное значение в дальнейшей жизни Гаянэ. «Когда-то, в белое утро, я встретила Сергея Параджанова, в небе все прошептало ярким цветком, служа нам аккордом в своем понимании. Душа задержалась в горящих, желтых грушах на белой тарелке. Он подарил мне нежность и хрупкость универсального мира...»

В начале 1967 года по инициативе Параджанова в Ереване состоялась первая персональная (не официальная) выставка Гаянэ в Армянском Доме Работников Искусств. Мартирос Сарьян был потрясен картинами Гаянэ: «Искусство – зов природы, доносящийся до нас через

Фото. Юрий Мечетов

людей. Чем большую верность сохраняет человек своей природе, тем более убедительным и волнующим будет ее искусство. Именно благодаря этим особым качествам пленяют зрителя произведения Гаянэ Хачатурян, которые приобщают нас к самобытному, волнующему и поэтическому миру».

Параджанов несколько раз пытался устроить ее персональные выставки – в Киеве, Ереване, Москве. Но чиновники от искусства встречали ее картины в штыки. Параджанов утешал ее: «Гаянэ, очень трудно быть художником, но у тебя столько удивительных сил. Я в тебя верю.» Именно Параджанов познакомил Гаянэ с Андреем Тарковским. Тарковского поразили не только картины, но и незаурядная личность Гаянэ. С этого времени началось творческое общение и дружба. «Тарковский поразил меня глубоким знанием живописи, он чувствовал и понимал меня, как никто другой».

Гаянэ считала, что художник – это не профессия, это образ жизни. Гаянэ никогда не работала над одной картиной, она всегда начинала работать сразу над 5-6 картинами и писала их на протяжении длительного времени, иногда до десяти-пятнадцати лет, и только, когда чувствовала, что одна из них готова к завершению – полностью переключалась на нее. Свои холсты она считала и воспринимала как своих детей.

В своей личной жизни она была аскетически предана творчеству. Именно служение живописи стало ее своеобразной религией.

Начальная фаза творчества Гаянэ была связана с классическим реализмом, перешедшим в поиски универсальных, фундаментальных культур. Этот период ее исканий был отмечен обращением к архаическим формам художественного сознания, которые питали наивностью и свежестью взгляда таких мастеров как Марк Шагал, Анри Руссо и Нико Пиросмани. Именно тогда были созданы многие замечательные работы, вызвавшие восторг первых посетителей ее выставок.

В дальнейшем в творчестве Гаянэ наблюдается новый взлет, который можно определить как переход к Магическому реализму. Особенно ярко он выразился в замечательных работах 70-80 годов.

С помощью Магического реализма, Гаянэ свободно пользовалась самыми разными материалами (холст, обычная грампластинка, деревенский кувшин из глины, металлическая вывеска, дверное стекло). В 1979 на выставке в Доме Юстиции, в Париже, Марк Шагал,

Фото. Юрий Мечетов

в прозе, а также в замечательных названиях работ.

Гаянэ Хачатурян скончалась 1 мая 2009 года в Тбилиси после тяжелой болезни. Она похоронена в Пантеоне великих армянских деятелей культуры в Тбилиси.

У Гаянэ никогда не было учеников, свои тайны в живописи она унесла с собой. «Изменить окружающий мир нельзя, нужно изменить себя.»

Ее картины находятся в постоянной экспозиции в Национальной галерее Армении, в Музее современного искусства Армении. Полотна Гаянэ хранятся во многих частных коллекциях по всему миру.

Гаянэ Хачатурян достигла самых больших высот в живописи. Возможно, поэтому ее зовут просто по имени – Гаянэ, как называли только выдающихся художников.

Загадочная, своеобразная, неповторимая, индивидуальная, возможно многими непонятая, она ушла из жизни, оставив много вопросов, время для размышления и наслаждение от созерцания...

Валерий Ханукаев

увидев картины Гаянэ, произнес великую фразу: «Гаянэ обогнала художников на столетие. Она недосягаема!»

Ее лучшие работы можно было увидеть только в ее мастерской, где она принимала близких ей по духу людей и многих представителей интеллектуальной элиты. Она считала, что подлинное искусство обретает свое истинное значение, независимо от публичных показов и обсуждений.

При ее жизни был открыт Международный Фонд Гаянэ, который осуществил совместно с Министерством Культуры Армении и Национальным Центром Современного Искусства Армении Персональную выставку картин Гаянэ на 53-ей Венецианской биеннале. Это событие представило Гаянэ в числе самых интересных художников современности. «Я всегда стремилась показать свой мир, мир магического реализма, но болезни и нервы, истощили мои силы, мое здоровье. Скоро Венецианское Биеннале, я знаю, что когда выставят мои холсты и графики, они принесут мне большой успех, тот незаслуженный успех, который выпал мне перед моей смертью, но мне это все уже безразлично, поскольку я сама считаю свои картины, не шедеврами... Тбилиси-шорох Куры... 14 апреля 2009» О Гаянэ сняты фильмы: «Гаянэ» 1971 год режиссер Юрий Ерзнкян, с предисловием народного художника СССР Мартirosa Сарьяна, «Голубой ветер, запах миндаля» 1978 год режиссер Рубен Геворкянц, «Я – Гаянэ из Тифлиса» 2006 год режиссер Левон Григорян.

Гаянэ создала около 700 живописных и графических работ, бесценные записи и зарисовки своих мыслей, высказываний об искусстве, литературе. Особо надо отметить литературную одаренность Гаянэ. Ее удивительно образную поэтичность мы находим и во многих ярких стихотворениях

Фото. Виктор Баженов

Выставочные проекты Гаянэ Хачатурян

Участие в групповых выставках (избранные)

- 1971 – Союз художников Армении, Ереван
- 1977 – Союз художников Армении, Ереван
- 1978 – Фонд Гюльбенкян, Лиссабон. Португалия
- 1979 – Фонд Гюльбенкян. Марсель, Лион, Франция
- 1979 – Фонд Гюльбенкян. Бейрут, Ливан
- 1987 – «Дни культуры Армении в Италии», Венеция. Италия
- 1993 – Государственная картинная галерея Грузии, Тбилиси
- 1996 – «Художники Грузии и Армении», Тбилиси. Грузия
- 2009 – А. Такровский, Г. Хачатурян, С. Параджанов ГЦСИ, Москва

Персональные выставки (избранные)

- 1968 – «Знакомство с Гаянэ» Издательство журнала «Декоративное искусство», Москва
- 1970 – «Гаянэ» Дом ученых института физики Армении, Ереван
- 1995 – «Гаянэ» Дворец правосудия Парижа. Франция
- 1995 – «Гаянэ» Понтиви, Пуатье, Мец, Франция
- 2009 – «Сотворение миров» Всемирная 53-я Венецианская Биеннале Современного искусства, Фонд Гаянэ Хачатурян и Министерство культуры Армении. Палаццо Зинобио, Венеция. Италия
- 2010 – «Выставка памяти Гаянэ» Национальная Галерея Армении. Международный Фонд Гаянэ Хачатурян и Министерство культуры Армении. Ереван, Армения
- 2011 – «Летящая шарманица», Пермская государственная картинная галерея. Международный Фонд Гаянэ Хачатурян и Министерство культуры Пермского края. Пермь, Россия
- 2011 – «Холсты Гаянэ», Государственный дом национальностей Москвы
- 2011 – «Графические работы Гаянэ», Дом музей Марины Цветаевой, Москва
- 2012 – «Зеркальная цветочница», холст/масло. Юбилейная выставка. Ростовский областной музей изобразительных искусств. Фонд Гаянэ Хачатурян и Министерство культуры Ростовской области, Ростов на Дону. Россия
- 2012 – «Зеркальная цветочница», графические работы. Юбилейная выставка, Ростовский областной музей краеведения, Музей русско-армянской дружбы. РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», Министерство культуры Ростовской области, Международный Фонд Гаянэ Хачатурян
- 2012 – «Зеркальная цветочница», Юбилейная выставка, Stadtmuseum St.Pölten, Австрия. Международный Фонд Гаянэ Хачатурян и Europaballett St.Pölten, правительство Нижней Австрии
- 2012 – «Агулис», Шестой фестиваль частных коллекций России. ГЦСИ. Международный Фонд Гаянэ Хачатурян и ГЦСИ, Москва
- 2012 – «Зеркальная цветочница», Юбилейная выставка, ММСИ. Международный Фонд Гаянэ Хачатурян и ММСИ. Москва

Фото. Виктор Баженов

Международный фонд Гаянэ Хачатурян выражает признательность академику Илье Урилову за многолетний вклад в популизацию искусства и официальному спонсору юбилейного марша Гаянэ Хачатурян, бутику «Finamore» в лице Артура Бубмана.

Н С С А Г Ц С И
Г Ц С И Н С С А
Н С С А Г Ц С И
Г Ц С И Н С С А
Н С С А Г Ц С И
Г Ц С И Н С С А

EUROPABALLET
Österreich
ST. PÖLTEN
A-3100 Oriongasse 4, Tel. 02742/230000

Finamore 1925
Napoli

 Центральный
Дом
Литераторов
Москвы

НЕЗАВИСИМАЯ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АРМЯНСКАЯ ГАЗЕТА

НОВЫЙ КОВЧЕГ

Собрание картин из личной коллекции Валерия и Ирины Ханукаевых.

